

*Иванова Елизавета Андреевна,
преподаватель кафедры русского языка
Военная Академия связи им. Буденного
Россия, г. Санкт-Петербург
e-mail: lisbeth.z@yandex.ru*

*Научный руководитель: Мелентьева Ирина Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Военная Академия связи им. Буденного
Россия, г. Санкт-Петербург*

**«ЧУЖОЕ ДИТЯ? НУ И ЧТО ЖЕ ТАКОЕ?» Н.С. ЛЕСКОВ О
НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ ДЕТЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕКОТОРЫХ
РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ)**

Аннотация: В статье анализируются образы героев-незаконнорожденных детей, мотивы, порождаемые этими образами. В статье уделено внимание смежным мотивам, таким как женская эмансипация, национальное самосознание, праведничество.

Ключевые слова: Лесков, литература, XIX век, незаконнорожденные дети, Житие одной бабы, Леди Макбет Мценского уезда.

*Ivanova Elizaveta Andreevna,
Lecturer at the Department of Russian Language
Military Academy of Communications named after Budyonny
Russia, St. Petersburg*

*Scientific adviser: Melentyeva Irina Evgenievna,
candidate of philological sciences, associate professor,
Military Academy of Communications. Budyonny
Russia, St. Petersburg*

**“AN ALIEN CHILD? AND WHAT’S WRONG ABOUT IT?” N.S. LESKOV
ABOUT ILLEGITIMATE CHILDREN (BASED ON SEVERAL SHORT
STORIES AND NOVELS)**

Abstract: The article analyses the images of the illegitimate children and the motives, born by these images. The attention is paid to adjoining motives like emancipation of women, national self-estimation, righteousness.

Key words: Leskov, literature, XIX century, illegitimate children, The Life of a Woman, Lady Macbeth of the Mtsensk District.

«Из всех ненормальных общественных положений, положение незаконнорожденного едва ли не худшее», -- так начинается статистическое исследование И. Янжула о незаконнорожденных детях на 1870 год. Вопросы семейных взаимоотношений, внебрачной любви, положения незаконнорожденных и, вообще, нравственных границ современного общества оказались чрезвычайно актуальны в эпоху последней трети XIX века. Вопрос о том, является ли внебрачная связь однозначным злом, а незаконнорожденный ребенок неизбежным страдающим последствием такого зла решается в творчестве Лескова противоречиво и разносторонне. Как такового героя-бастарда, несущего бремя своего происхождения и раскрывающегося сквозь призму своей незаконнорожденности (как, например, Аркадий Долгорукий Достоевского), в произведениях Лескова нет. Можно говорить лишь о мотиве незаконнорожденности, присутствии так или иначе во всех общественных слоях таких персонажей, их повсеместности, об отношении к ним других героев, раскрытии через это отношение духа эпохи и авторских этических взглядов.

Противоречивость позиции Лескова хорошо прослеживается на примере повестей «Леди Макбет Мценского уезда» и «Житие одной бабы». Эти повести прекрасно иллюстрируют пределы человеческого злонравия. Сюжетно повести похожи, героини оказываются в одинаковых ситуациях, обе несут бремя внебрачных отношений и их последствий. Одну принятое страдание возвышает до «святости» (разумеется, в особом, лесковском духе), другую приводит к совершению ряда гипертрофированно жутких преступлений. Обеих героинь сложившаяся ситуация приводит к рождению внебрачного ребенка.

Лесков «вхождение» сферу зла воспроизводит согласно христианскому миропониманию. По учению церкви зло развивается, как цепная реакция, увеличиваясь и расширяясь [2, с. 8]. Зло, допущенное Катериной Измайловой, начинается с супружеской измены, явления, в литературе давно принятом как культурный феномен, способный стать основой пикантного литературного сюжета. Так, Е. Рыбалка в исследовании внебрачной связи как культурного явления пишет: «Брак и внебрачная связь являются вечными спутниками

человечества на всем протяжении его истории. Однако причины их нельзя видеть в естественно-биологических основаниях, которые не могут объяснить ни факт измены, ни факт стремления к другому мужчине или женщине. Эти причины кроются в социально-культурном статусе брака и внебрачных связей, которые предполагают жизненные ориентации личности, находящейся в браке и способы и формы его внебрачной жизни» [3, с. 11]. Для традиционной православной морали отказ от целомудрия становится первой ступенью на пути к дальнейшему нравственному падению. Причем убийство не является финалом падения Катерины Измайловой. Дорофеева справедливо полагает, что Катерина вдохновляется атмосферой преступления, чувствует себя свободно и раскованно [4, с. 209]. Тогда как действия вроде молитвы для нее сродни помехе, хозяйственной нужде. Новый преступный умысел созревает у нее «спит ли, по хозяйству ли выйдет, или богу молиться станет...» [5, с. 123]. Финал нравственного падения Катерины Львовны состоит в отходе окончательно от нормальной человеческой, и, вообще, природной, духовности – абсолютном равнодушии к рожденному ей ребенку. Ребенок по законодательству того времени не мог считаться незаконным, хотя фактически таковым являлся: «Считаясь законным сыном убитого мужа преступницы, младенец оставался единственным наследником всего теперь измайловского состояния. Катерина Львовна была этим очень довольна и отдала дитя весьма равнодушно. Любовь ее к отцу, как любовь многих слишком страстных женщин, не переходила никакою своею частию на ребенка» [5, с. 187]. Страсть, приведшая к преступлению против ближнего, к убийству, привела ее к преступлению против природы: «о дитяти [она] забыла и думать» [5, с. 192]. Слова ее о новорожденном ребенке: «ну его совсем!» [5, с. 199], равнодушие к боли, к каторге не объясняется отупением от страдания. Катерина по-прежнему видит смысл жизни в обладании Сергеем. Однако, парадокс этой цепи грехопадения заключается в том, что совершив одно хладнокровное убийство, она отталкивает от себя «не только мужа, но и любовника» [2, с. 7]. В итоге, Сергею «стоптанный Сонеткин башмак милее...рожи» Катерины Львовны [5, с. 290]. Таким образом, единожды отойдя

от христианской морали, свершив прелюбодеяние, Измайлова вовлекается в череду преступлений по нарастающей: убийство «свидетеля»-свекра, убийство мужа (родственника), убийство невинного ребенка Феди, потеря природного человеческого чувства к собственному ребенку, отказ от него.

Мотив искупления дополняет и полностью исправляет сюжет адюльтера в повести «Житие одной бабы». Название формирует представление читателя о жизни и смерти героини [1]. Зеркальность судьбы лесковской героини и канонизированного святого реализуется в изображении страдания, которое является испытанием на прочность веры, нравственных качеств. С другой стороны, оно становится следствием отступления от христианских нравственных норм. Героиня чувствует свою греховность: «Настя чуяла, что любит она Степана и что ей любить его не следует» [5, с. 347].

Согрешив, она раскаивается и стремится искупить вину служением Богу в монастыре. Настя оказывается в той же ситуации, в которой оказалась Катерина Измайлова. Место нерелигиозного по типу сознания человека занимает в повести ее брат Костик. В силу самобытности характера Настя не может жить в браке с нелюбимым [1]. В то же время, она связывает себя с женатым человеком, осознавая греховность такого союза. Смерть видится ей единственным выходом. Искупление приносят все герои повести, связанные с Настей: Настя, Степан и их ребенок. Страдание через позор, заключение, смерть близких, безумие возводят Настю на высоту той святости, к которой читателя готовило заглавие повести. Настино страдание достигает апогея, когда в тюрьме погибает ее ребенок: «Он недолго терпел неприветливую встречу, приготовленную ему во Христе братьями на этом свете: попищал, поморщился и умер» [5, с. 365]. Последний порыв сильного чувства в Насте случился, когда она «тигрицею бросилась на железные ворота тюрьмы за уносимым гробиком ее ребенка» [5, с. 366]. Такая характеристика ей вообще несвойственна. Настя называется «бедной», «смирной», «кроткой».

В рассказе «Фигура» мотив незаконнорожденности возникает как дополнение, штрих к портрету «праведника». Фигура был шестидесятилетним

куруневским мужиком, имевшим собственную усадьбу и жившим в «сотрудничестве» с крестьянкой Христей «замечательной красоты хохлушкой» и ее дочерью Катрей. За Катрью Христю называли «покрыткой», то есть девушкой с ребенком. Катря соседями считалась дочерью Фигуры. «Фигура на это делал гримасу и, пыхнув губами, отвечал:

-- Так-то оно и есть, що моя! Правда, що як бог мени дав щасте, щоб ее кормить, то тим вона теперечки моя, -- а кто ее на свит бидовать пустив, то я вже того добродия не знаю. Але к кто хоче – нехай так и личе: як моя, то нехай моя, -- мени все едино» [5, с. 363].

Христя же, живя в доме Фигуры, исполняя домашние обязанности, состояла с ним в отношениях, которые «ничего ясно не раскрывали». При этом, обязанности ее Фигура называл «присягой», а все его домочадцы, включая Катрью несли «епитимию», не принимая в пищу ничего, «имеющего сознание жизни», то есть мяса или рыбы. Такая епитимия была положена в память матери Фигуры.

В конце рассказа происхождение Катри раскрывается отчасти: Фигура нашел Подолинском саду Христю с младенцем и отговорил ее отдавать новорожденную чужим людям, взяв обеих в свой дом. Милосердие, кристальная честность и простота обхождения характеризуют Фигуру. В рассказе намеренно противопоставляется честь обывателя, позволяющая проявить милосердие и не требовать удовлетворения своей гордости, и честь светского человека, настаивающая на нем. Для первого простить пощечину от пьяного солдата (за это Фигура был уволен из офицерского звания) и взять в дом незнакомую женщину с младенцем – поступки одного порядка, говорящие о широте души и внутреннем благородстве. Для второго подобные поступки неприемлемы. От себя заметим, что именно от второго типа человеческой чести и страдают незаконнорожденные дети.

Рассказ «Дама и фефела» с неожиданной стороны изображает разрушение семейных отношений руками женщины, жены. На суд читателя выносятся отношения главного героя, писателя, с двумя женщинами: женой (дамой) и

сожительницей (фефелой, то есть необразованной простой женщиной). В первой главе в качестве главного выдвигается вопрос о том, ч какой женщиной лучше сходиться литератору: образованной или необразованной. «Иллюстрация», предложенная Лесковым, скорее, ставит иной вопрос: какие отношения более заслуживают звания законных. С одной стороны – «законная половина», брак с которой был заключен «по состраданию» [5, с. 456]. «Поставил он себя дома так неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупым» и никак не хотела верить тому, что он может «сочинить» что-нибудь стоящее внимания. Это его сердило и оскорбляло <...> внимание посторонних дам к ее мужу ее раздражало и довело до такой ярости, что она от оскорблений перешла к обидным действиям...» [5, с. 458].

С другой стороны – «беззаконница», «рабское сердце», услужившая герою, когда он был тяжело болен и оставлен своей законной женой, «освежила его постель, вытерла его самого водой с уксусом, обласкала утешительными словами» [5, с. 470]. По словам автора, обе названные женщины «различно исполнили свое призвание к его [главного героя] потомству» [5, с. 456].

Законный ребенок героя-литератора оставался с матерью и использовался ею как средство финансовых манипуляций над супругом: «...я надеялся, что она довольно легко согласится разъехаться с своим супругом, но она, однако, требовала, чтоб ей за это дать как можно больше денег.

-- Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете?» [5, с. 478].

Ребенок при этом описан как «болезненный, рахитический мальчик с большими, почти бесцветными глазами, в которых выражался постоянный испуг, возбуждавший к нему сожаление» [5].

В целом, описание семьи литератора-героя оставляет впечатление неустроенности, понуждает к жалости по отношению к «рахитичному» ребенку, «смирному» литератору и его жене за ее «несчастный» характер.

Праша-фефела, обеспечивавшая спокойную и счастливую семейную жизнь литератора, после его смерти остается с ребенком без средств к существованию. Все имущество по закону могло быть отписано лишь законному

наследнику. Имея в жизни лишь один завет жить «хорошо и честно» [5, с. 486], Праша следует исключительно ему, живет своим умом и трудом, отказывается от идеи «пристроить» ребенка (Лесков явно осуждает эту практику). Незаконный ребенок оказывается здоровее и счастливее сводного брата благодаря усердию и самоотверженности матери:

«Один раз в течение первого года их хозяйства я заходил посмотреть на литераторского наследника и застал его в отличном положении: он ползал по полу настоящим санюлотом, с заткнутым за пояс подолом, и махал деревянную ложкой, а неподалеку от него катался горшок с пшенной кашей: всяк ли еще имел в детстве такое благополучие!» [5, с. 481].

Таким образом, своей «иллюстрацией» Лесков показывает, что духовное благополучие и материальная устроенность ребенка зависят не от благосостояния родителей. Праша выигрывает эту битву жизни благодаря внутреннему стержню, особому пониманию жизни, выстроенной «вертикально». В продолжение повести она почти буквально возносится от «беззаконницы» через череду мирских неурядиц (не таких тяжелых страданий, которые выпали на долю Насти Проскудиной, но все же суровых испытаний) до праведницы, которая «видит другую сторону жизни» и «каждому могла подать сокровища своего благого сердца» [5, с. 491].

Повесть «Колыванский муж» содержит любопытное преломление мотива незаконнорожденности. В жизни героя, русского моряка Ивана Никитича Сипачева, происходит трагедия, которую он ставит выше и страшнее супружеской измены, «хуже этого и больнее» [5, с. 391]. Его рассуждения на тему внебрачных детей выдают в нем человека великодушного: ««Чужое дитя!» Ну и что же такое? Ну и покорми чужое дитя. Ведь это не грех, а мы считаем, что мы умнее и справедливее женщин и во всех отношениях их совершеннее. Покорми! И если женщина увлеклась, а потом сожалеет о своем увлечении, прости ее и не обличай» [5].

Но великодушие героя имело обратную сторону – неприятие полумер, невозможность стоять посередине между двумя полюсами. Это и сыграло с

героем злую шутку. Трагедия Сипачева заключалась в том, что его род был воплощением всего русского, православного и даже «славянофильского», в то время как семья его жены, немки Лины, была лютеранской. Так случилось, возможно, по хитрости баронессы «Винегреты», матери Лины, что каждый из троих рожденных в счастливом браке детей, появлялся на свет и был крещен в отсутствие отца. Перед наступлением срока Сипачев как бы случайно оказывался в длительных командировках, а по приезде получал известие о том, что его сын уже окрещен пастором. Это шло вразрез с заветом отца героя, мечтавшего о сыне по имени Никита, и наказывавшего Сипачеву: «Дружба дружбой, служба службой, а за пазухой шиш» [5, с. 400]. Осознание того, что родные сыновья -- «немцы» для героя оказывается тяжелее, чем если бы они были не него сыновьями. «Этому нет сравнения, потому что это уязвляет меня в самый корень. Это поражает меня до недр моего духа; это убивало моего отца и мать, отторгало меня от самых священных уз с моею родней, с моим народом» [5].

Финал повести предсказан главным героем: рассказчик посещает его могилу на лютеранском кладбище.

Таким образом, поведение героя в отношении «чужого» ребенка служит неким маркером положительности, праведности. Что совершенно логично, тяжесть греха в глазах Лескова, а также в глазах читателя, сопереживающего героям, переносится с ни в чем не повинного незаконнорожденного ребенка или с его родителя, бывшего потерпевшей стороной (и это не всегда женщина, как мы видим в случае с Сипачевым), на того, кто вопреки закону любви следует закону страха и идет против гуманности (и речь не только об отдельных преступниках вроде Катерины или «Винегреты», а о патриархальном устройстве в целом). В патриархальном обществе подобное положение дел было весьма непривычно, что говорит об этическом новаторстве Лескова.

Список литературы:

1. Янжул И.И. О незаконнорожденных: статистическо-юридический очерк. М.: Унив. типография, 1870. 80 с.
2. Куркина Т.Н. Церковь в сознании героев и автора в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №1. С. 7-13.
3. Рыбалка Е.А. Внебрачная связь как феномен европейской культуры: автореф. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 1999. 21 с.
4. Дорофеева Е.О., Коньшев Е.М. Проблема зла в произведениях Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 208-210.
5. Лесков Н.С. Собр.соч. в 11 т. / под ред. В.Г. Базанова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956-58.